

страданія преступника, то здравый смысл не допускаетъ возможности сомнѣнія въ пользѣ и въ нравственномъ значеніи предупрежденія, ограждающаго отъ зла какъ покушающагося на преступленіе, такъ и его возможную жертву.

Притча графа Толстого совершенно не передаетъ дѣйствительнаго положенія вещей; сравненіе его было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, еслибы онъ указалъ простой или, по крайней мѣрѣ, возможный способъ окончательнаго искорененія зла въ человѣческой природѣ.

Но вотъ въ двухъ словахъ самая притча.

„Выросла сорная трава на хорошемъ лугу. И чтобъ избавиться отъ нея, владѣльцы луга скашивали ее, а сорная трава отъ этого только умножалась“. И вотъ добрый хозяинъ, посѣтившій ихъ, сказалъ имъ, что надо не косить траву, а вырвать ее съ корнемъ; но владѣльцы его не послушались, какъ не послушались и другихъ напоминавшихъ имъ впослѣдствіи объ этомъ совѣтѣ; а въ послѣднее время, когда въ лугѣ остались уже однѣ сорныя травы, пришелъ еще одинъ человѣкъ и сталъ напоминать имъ совѣтъ добраго хозяина; но люди „называли его зловреднымъ человѣкомъ, желающимъ развести дурную траву и лишить людей ихъ луга“. Онъ говоритъ, что не надо косить траву, а если мы не будемъ уничтожать траву, говорили они, нарочно умалчивая о томъ, что человѣкъ говорилъ